

ственно после рассказа о крещении Борживоя и прямо за именем Каиха. Если где-либо в Чехии IX в. мы можем искать следы Кирилло-Мефодиевской эпохи, то скорее всего там, куда, по Кристиану, отправились Борживой и Каих по дороге из Моравии. Церковь даже большей древности, чем IX в., обычно не исчезает бесследно. Знаменательно и посвящение Борживоевой церкви: латинской форме «Clementis» соответствует старославянское «Климент». Между тем известно, что почитание св. Климента тесно связано с Константином, обретшим его мощи в Херсонесе и принесшим их в Рим.

Цитированное место из Кристиана — это обещающий след; здесь, наконец, мы можем опереться на нечто положительное. Но идентифицировать Кристианов «Градец» нелегко, и размещение мест почитания Климента в Чехии и Моравии довольно загадочно. Костелы, несущие имя Климента, в прошлом часто считались памятниками IX в., «даже в тех случаях, когда и наиболее древние их части не имеют ничего общего с эпохой Кирилла и Мефодия». Для Моравии Рихтер перечисляет следующие объекты: «Возможность происхождения от Великоморавской эпохи приписывается якобы перестроенным культовым зданиям св. Климента на городище у Осветиман, в Липувце, в Ясенице, в Верхнем Бржецкове, на Санкт-Клементберге под Мистельбахом (Остмарк)». Для большинства этих пунктов Рихтер считает исключенным возраст, восходящий к IX в., такую возможность он допускает только в двух случаях — в Осветиманах и на Санкт-Клементберге. Но и тут он скептичен: «Посвящение св. Клименту указывает лишь на вероятную связь моравского христианства с прежней традицией славянских вероучителей, но не является доказательством ни древности постройки с этим посвящением, ни древности того поселения, где стоял костел — хотя бы и более поздний — св. Климента».¹³

В Чехии традиция, связанная с костелами св. Климента, носит более определенный характер — их основание приписывается князю Борживою. Сложность заключается в том, что традиция расщеплена, связана не с одним, а с несколькими местами. Наиболее серьезный претендент на отождествление с Кристиановым «Градиц» — это, конечно, Левый Градец, но были сторонники также Вышеграда и Градца-Кралове. Например, Пекарж был готов допустить, что Кристиан под своим «Градцем» подразумевал Вышеград и тем сохранил первоначальное имя королевского замка на правом берегу Влтавы.¹⁴ Историк старой Праги В. В. Томек считал вероятным, что Борживоев храм стоял на Вышеграде. Это желание видеть Борживоев храм на Вышеграде объясняется маловероятностью допущения, что пражский князь после своего крещения основал первый христианский храм вне своей основной резиденции. Однако ясно, что Борживой мог заложить для своего предполагаемого духовного советника Каиха лишь один храм — в Левом Градце. Но верно и то, что к Вышеградскому костелу приурочена повесть о Борживое. Факт этот свидетельствует, что такая повесть может возникнуть дополнительно и что традиция, связанная с Левым Градцем, не была достаточно крепкой и сильной, благодаря чему и не могла вытеснить другие варианты легенды.

Был еще один Градец, претендовавший на честь первого христианского храма в Чехии. Уже Добровский должен был полемизировать с историком и патриотом Градца-Кралове Швендой, опровергать его утверждение, что

¹³ V. Richter. O středověké architektuře na Moravě. — Časopis Matice moravské, 65. Brno, 1943, стр. 15.

¹⁴ Český časopis historický, roč. 10. Praha, 1904, стр. 46, прим. 1.